

М. А. Павлюковец

К ВОПРОСУ О СИНКРЕТИЗМЕ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

*Работа представлена кафедрой английского языка
Ставропольского государственного университета.*

Научный руководитель – кандидат филологических наук, профессор В. В. Бuzаров

В статье затрагиваются вопросы, касающиеся разработки теории синкретизма, а также содержатся результаты рассмотрения точек зрения отечественных и зарубежных лингвистов на проблему синкретизма, основное значение которого – слитность, нерасчлененность.

The article deals with the theory of syncretism and contains the research results of Russian and foreign linguists' ideas concerning phenomena of transitivity in the language. Base value of syncretism is unity and indivisibility.

Понятие синкретизма в науке о языке появилось относительно недавно, в про-

шлом столетии. Проблемы, связанные с данным языковым явлением на всех уров-

нях языковой системы, были причиной бесконечных дискуссий, оставаясь в центре внимания как отечественных лингвистов, так и зарубежных языковедов. Полемика начиналась в связи с тем, что среди ученых-лингвистов нет единого мнения в трактовке термина «синкретизм», как нет и единого определения данного термина в лингвистических словарях.

В трудах лингвистов XX в. неоднократно делались попытки его точного, непротиворечивого и объективного определения, поскольку понятие «синкретизм» является одним из важнейших в лингвистике, а само это явление из частного вопроса переходит в актуальную общелингвистическую проблему.

В свое время еще Л. В. Щерба и А. М. Пешковский указывали на необходимость исследования синкретизма в языке и речи.

Многие языковеды занимались определением сущности, природы, характера проявления синкретизма, его разновидностями. Благодаря трудам таких лингвистов, как Л. Ельмслев, В. В. Виноградов, Ш. Балли, О. Есперсен, В. В. Бабайцева, В. Скаличка, А. Мартине, Л. С. Бархударов, Р. Якобсон, В. В. Бузаров, П. В. Чесноков, Л. Д. Чеснокова и другим выдающимся ученым, которые основательно изучали явление синкретизма и разноаспектно описывали этот языковой «изъян» (термин Л. Ельмслева), созданы научные предпосылки для продолжения разработки теории переходности в языке. Итак, хотя синкретизм исследовался лингвистами, тем не менее остается много вопросов, требующих своего разрешения.

При исследовании синкретизма необходимо в первую очередь как можно более точно определить, какое языковое явление имеется в виду.

Анализ целого ряда научных публикаций лингвистического характера позволяет сделать вывод, что исследуемое языковое явление не получило в них однозначного определения.

Исследование явлений синкретизма имеет давнюю историю, как в свою очередь и явлений переходности. Прежде всего мы считаем необходимым уточнить взаимосвязь этих двух понятий. Так, Г. Г. Инфантова различает понятия «синкретизм» и «переходность». Исходя из того, что это – «...явления одного круга, но рассматриваемые с разных точек зрения»¹. Основное различие между ними, по ее мнению, заключается в следующем: «...термином «переходность» отражается факт взаимодействия построений двух типов, наличие между ними соединительных звеньев, располагающихся на шкале переходности, а термином «синкретизм» – характер этих звеньев, факт совмещения в них признаков взаимодействующих единиц». В этом отношении следует согласиться с В. В. Бабайцевой, которая считает, что «синкретизм языковых и речевых фактов – самое существенное следствие диахронной и синхронной переходности...»², другими словами, синкретизм является проявлением процессов переходности в языке. В более поздней работе, учебнике «Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц», также приводится различие этих двух терминов: «...термин «переходность» отражает динамику движения слов из одной части речи в другую, а термин «синкретизм» – то состояние совмещения разных грамматических свойств в одном слове, которое сопутствует переходу слов из одной части речи в другую, составляя сущность самого перехода...»³. Мы можем сделать вывод, что эти два явления находятся в причинно-следственных отношениях, т. е. те факты языка и речи, которые изначально обладают синкретизмом свойств, могут быть рассмотрены в рамках теории переходности.

Изучение проблемы синкретизма и переходности в общем и частном языкознании пережило не менее трех этапов. Вначале для доступности описания синкретичных и переходных единиц и явлений в конкретных языках «несистемные, остаточные»⁴

переходные формы фактически не принимались во внимание.

Затем ввиду «трудностей, связанных с их описанием», данную проблематику предлагалось оставить исключительно в сфере диахронических исследований, где «допустимо использование метода количественных оценок», согласно которому «каждое языковое явление должно определяться по месту, занимаемому им на шкале постепенных переходов»⁵.

Однако при более детальном рассмотрении проблемы синкретизма и переходности в языке оказалось, что она значительно сложнее и более масштабна, чем изучение отдельных фактов «сдвига» в соотношении некой формы и ее функции в ходе исторического развития языка.

Дальнейшие исследования показали, что искомые единицы по своей сути являются системными образованиями, специфика которых, собственно, заключается в функции опосредования смежных классов единиц языка, создании механизма их взаимного перехода и взаимопревращения с целью достижения в нем системно-структурной упорядоченности межуровневых и внутриуровневых единиц. Стало очевидным, что, во-первых, язык обладает определенным механизмом порождения данных образований; во-вторых, последние являются неотъемлемой системной частью языка; в-третьих, синкретизм репрезентируется как один из онтологических системообразующих и системоразвивающих факторов в естественном языке⁶.

В лингвистических исследованиях указывается, что начало изучения проблемы синкретизма и его определение было положено в 60-е гг. прошлого столетия в работе Луи Ельмслева⁷. Однако, по нашему мнению, такое утверждение не совсем точно. Дело заключается в том, что данное языковое явление, точнее, падежный синкретизм, как отметил В. К. Журавлев⁸, описывается в работах Б. Дельбрюка (1907) и Н. Н. Дурново (1922).

Одной из первых работ в отечественном языкознании, где мы встречаемся с терми-

ном «синкретизм», является статья С. Д. Кацнельсона «Эргативная конструкция и эргативное предложение»⁹. Рассматривая особенности языка австралийского племени аранта, он занимался изучением строения предложений и пришел к выводу, что предикативы в этом языке обладали весьма развитым полисемантизмом. Проявляемый полисемантизм автор называет синкретизмом прямой и косвенной переходности, проявляющийся в области пространственных и временных отношений.

Обычно лингвисты не решаются описывать синкретизм как случайность, так как это могло бы навести на мысль о том, что он не затрагивает структуру языка. В связи с этим А. Мартине пишет: «...Скорее можно сказать, что синкретизм представляет своего рода языковой «изъян», который усложняет функционирование языка, хотя в связи с естественной избыточностью человеческой речи лишь в исключительных случаях он может привести к путанице»¹⁰.

III. Балли в книге «Общая лингвистика и вопросы французского языка» говорит о синкретизме, но называет данное языковое явление иначе – «совмещением означаемых» – и дает следующее определение: «Мы говорим о совмещении означаемых (или, короче, о совмещении), когда одно неразложимое означающее имеет несколько значений, которые позволяют ясно анализировать мнемонические ассоциации...»¹¹.

Ряд исследователей, в частности О. Есперсен, Р. Якобсон, Л. С. Бархударов, в своих работах обращаются непосредственно к проблеме падежного синкретизма.

Датский языковед Отто Есперсен в прямой форме не ставит вопроса о проблеме синкретичных образований в языке, но в своей книге «Философия грамматики»¹² говорит о явлениях падежного синкретизма в лингвистике и приводит ряд примеров, демонстрирующих это языковое явление¹³.

Значительный вклад в исследования синкретизма внес Р. Якобсон, который занимался изучением системы русских падежей. Руководствуясь идеей о падежном син-

кретизме, высказанной Н. Н. Дурново, он представлял систему падежных значений в целом в виде параллелепипеда и отмечал, что падежный синкретизм обычно имеет место на ребрах этого параллелепипеда¹⁴. Под падежным синкретизмом автор понимал «совпадение падежей», упразднимые различия между падежными флексиями и порядок подобных упразднений. Он говорил о том, что «наряду с полным синкретизмом требует тщательного обследования также синкретизм частичный, где сходство окончаний ограничивается либо одинаковым числом фонем... либо общностью одной из фонем...».

Важно отметить тот факт, что ученый различал «синкретизм прямых падежей», имеющий место, когда в парадигмах без собственной формы винительный падеж совпадает с именительным, и «синкретизм падежей определенных», когда винительный падеж совпадает с родительным. Таким образом, Р. Якобсон соотносил данное языковое явление с синхронным уровнем языка.

В своей статье «Нейтрализация и синкретизм» французский языковед А. Мартин, доказывая разграничение синкретизма и нейтрализации, термином «синкретизм» обозначает явление «частичной омонимии в языке» (с. 102) и говорит о том, что «...нет никаких сомнений относительно необходимости различения синкретизма и нейтрализации, краеугольного камня лингвистического анализа» (с. 109).

Продолжая исследования в области падежного синкретизма, автор указывает на синкретизм форм латинского датива и аблатива в соединении с показателями множественного числа, на синкретизм форм латинского именительного и винительного падежей для всех существительных среднего рода, подчеркивая тот факт, что происхождение синкретизма в синхронии не имеет значения. В подтверждение своей гипотезы он приводит следующий пример: «Так, синкретизм латинского датива и аблатива сочетает в себе результат фонетиче-

ского развития (например, -o восходит к -oi и к -od) и аналогических расширений. Формальное смешение именительного и родительного падежей имен среднего рода, несомненно, отражает более древнее неразличение существительных, которые при соединении с глаголом находились только в отношении первого определяющего и никогда не функционировали в качестве агенса с окончанием на -s...»

Однако совсем другое мнение по поводу соотношения понятий синкретизма и нейтрализации было у Л. Ельмслева. Как пишет А. Мартин в своей статье, «Ельмслев, например, всегда смешивал оба эти явления, обозначая их одним термином «синкретизм», который для него имел преимущество перед термином нейтрализация, так как указывал на его расхождение с пражской фонологией». Еще одной заслугой Л. Ельмслева в разработке теории переходности и изучении синкретизма как лингвистической категории было то, что он ввел понятия «разрешимый синкретизм» и «неразрешимый синкретизм», причем сам ученый занимался в большей степени изучением «разрешимого» синкретизма.

Отметим также, что проблемой падежного синкретизма на материале английского языка занимался Л. С. Бархударов. В «Очерках по морфологии современного английского языка» автор отмечает, что в продуктивных формах множественного числа «морфемы числа и падежа слиты в одном морфе – в словоформах типа boys', cats', foxes', морфы /z/, /s/, /iz/ представляют одновременно и морфему множественного числа, и морфему родительного падежа....»¹⁵.

Причем, приводя пример, Л. С. Бархударов подчеркивает тот факт, что «...на письме морфема родительного падежа сигнализируется знаком апострофа ('), но это – чисто графический символ, не имеющий никакой фонетической или фонологической значимости...».

Л. В. Щерба, обсуждая проблему переходности частей речи в русском языке,

рассматривает синкретичное явление как «неясное и колеблющееся», которое «должно больше всего привлекать внимание лингвистов»¹⁶.

По мнению Г. Н. Воронцовой, которая в своей книге «Очерки по грамматике английского языка» достаточно подробно рассматривает проблему переходности на материале английского языка, данное языковое явление следует относить к многозначности (полисемии)¹⁷.

Обратим внимание, что на данном этапе развития учения о «синкретизме» многие современные отечественные лингвисты, например, В. А. Звегинцев, Б. А. Серебренников, И. П. Сусов, В. И. Кодухов и др. в своих работах этой проблеме отводят важное место.

Б. А. Серебренников, исходя из того, что одним из специфических и в этом смысле уникальных свойств человеческого языка как системы знаков является то, что более емкий по объему и многомерный по структурной организации план содержания не имеет однозначного соответствия более простому по форме и меньшему по числу единиц плану выражения, пишет следующее: «Это давно известное в языке явление «непараллельности звучания и значения» находит в лингвистике различное наименование и разную интерпретацию: явление полисемии и омонимии, синкретизма, разделения языковых сущностей на знаки и не-знаки и т. п.». Таким образом, он признает, что синкретизм является лишь наименованием для демонстрации языкового явления «непараллельности звучания и значения»¹⁸.

В. И. Кодухов в процессе переходности языка также выделяет явление «промежуточности» и явление «синкретизма», «которые проявляются как в области формы, так и в области содержания языковых единиц...»¹⁹.

В более поздней работе по языкознанию И. П. Сусов рассматривает синкретизм как «...следствие некоммутуируемости двух инвариантов в определенных позициях; понятие синкретизма отличается от используе-

мого пражцами понятия нейтрализации за счет отказа от учета общих признаков у противопоставляемых элементов»²⁰.

Следует также заметить, что за последние годы проблеме синкретизма посвящено много работ, но наиболее значимыми, на наш взгляд, являются монография В. В. Бабайцевой «Явления переходности в грамматике русского языка» (2000), о которой мы упоминали выше, и докторская диссертация И. В. Высоцкой «Синкретизм в системе частей речи современного русского языка» (2006).

Следует обратить внимание на интересное определение синкретизма, данное в исследовании Я. В. Высоцкой: «Синкретизм – это обусловленное единством чувственного и рационального мышления, универсальное свойство языка, проявляющееся в способности языковой единицы выражать комплекс противопоставленных лексических и/или грамматических значений»²¹.

Представленный в данной статье анализ был бы неполным без упоминания взглядов на проблему синкретизма некоторых американских лингвистов.

Л. Блумфилд в работе «Язык» при рассмотрении фонологической системы английского языка, а также при анализе и описании типов фонетических изменений приходит к выводу, что случаи проявления синкретизма зафиксированы уже в древнейших английских памятниках. Л. Блумфилд отмечает, что фактически «звуковые изменения часто затемняют такие признаки, значение которых в высшей степени важно»²². Говоря о звуковых изменениях, автор приводит пример, который демонстрирует синтез двух признаков: «...различие между индоевропейским номинативом на [-os] (ср. скр. [’vrkah], греч. [’lukos], лат. lupus, прагерм. [’wolfaz], гот. [wulfs] и аккузативом на [-om] (ср. скр. [’vrkam], греч. [’lukon], лат. [lupum], прагерм. [’wolfan], гот. [wulf]) было затемнено в протоанглийском вследствие окончаний слов, и таким образом эти два падежа слились, что зафиксировано уже в древнейших английских памятниках, в од-

ной форме wulf “волк”». Блумфилд обращает внимание на то, что звуковые изменения приводят к появлению в языке омонимов. Классическим примером здесь может служить китайский язык, поскольку широко представленная здесь омонимия объясняется фонетическими изменениями в историческом развитии языка. Так, Блумфилд пишет: «Омонимия и синкретизм – совпадение словоизменительных категорий – обычные результаты звуковых изменений».

В свою очередь Д. Лайонз в книге «Введение в теоретическую лингвистику» определяет синкретизм как наблюдаемое в ряде языков «слияние», вытекающее из нейтрализации соответствующего разграничения на более поверхностном уровне грамматики или из «вторичной категоризации» в плане одушевленности или какого-то другого синтаксически релевантного признака²³.

В настоящее время существенный вклад в решение проблемы определения термина вносят составители различных словарей (толковых, лингвистических и т. д.), выделяющие, как правило, несколько рубрик, отражающих смысловые функции данного явления. Наиболее авторитетными лексикографическими источниками, на наш взгляд, являются следующие: «Словарь лингвистических терминов»; «Большая советская энциклопедия»; «Толковый словарь русского языка» под совместной редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой; «Языкознание. Большой энциклопедический словарь» под редакцией В. Н. Ярцевой; «Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой. Все эти лексикографические источники носят нормативный характер и содержатся в них дефиниции предназначены для справочных целей.

Прежде чем привести обзор словарных статей термина «синкретизм» из вышеперечисленных источников, отметим тот факт, что термин «синкретизм» появляется в «Словаре лингвистических терминов» только в 1966 г. Словарная статья имеет следующий вид: «Синкретизм – функциональное объединение разных форм выражения, ней-

трализация противопоставлений (оппозиций); совпадение означающих при различных означаемых. Сокращение в процессе развития языка числа категориальных форм, реализующих данную грамматическую категорию, сопровождаемое изменением (расширением) функций сохраняющихся категориальных форм и приводящее к грамматической омонимии. В латинском языке аблатив, выражающий инструментальное и местное значение»²⁴.

В Большой советской энциклопедии термин «синкретизм» имеет два значения, нас интересует вторая лингвистическая трактовка этого термина: «...слияние формально различавшихся прежде грамматических категорий (значений) в одной форме, которая в результате этого становится многозначной (полифункциональной)»²⁵.

В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой мы находим следующее толкование рассматриваемого нами термина: *синкретизм* – 1) это слитность, нерасчлененность, характерная для первоначального состояния в развитии чего-н.; 2) то же, что эклектизм²⁶. Для лингвистики наибольший интерес представляет первое значение данной словарной статьи.

В «Большом энциклопедическом словаре» (под редакцией В. Н. Ярцевой) термин «синкретизм» имеет два определения: 1) «совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме»; 2) «совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (некоторых разрядов слов, значений, предложений, членов предложения и др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности. Это разного рода гибридные (контаминационные, промежуточные, диффузные) образования»²⁷. В своем первом определении синкретизм есть явление, свойственное только грамматике, а во втором понимании он свойственен всем уровням языка и речи. В. В. Бабайцева в своей монографии под синкретизмом понимает «со-

вмещение дифференциальных структурных и семантических признаков оппозиционных единиц, связанных явлениями переходности», как он представлен в «Большом энциклопедическом словаре» (с. 236).

Иной взгляд на определение понятия «синкретизм» мы находим в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой. Синкретизм здесь – функциональное объединение разных форм выражения, нейтрализация противопоставлений (оппозиций); совпадение означающих при различении означаемых²⁸.

Исходя из представлений о недискретном характере синкретизма на основании изучения различных трактовок синкретизма и отграничения этого лингвистического феномена от других языковых явлений, мы предлагаем определение, на наш взгляд, достаточно полное и заслуживающее внимания: синкретизм – это нерасторжимая слитность, одновременное совпадение в одном лингвистическом знаке (морфеме, слове синтаксической конструкции) двух или более значений, функций, категорий²⁹.

Мы согласны с мнением В. В. Бузарова, что «...синкретизм – это явление, присущее как языку, так и речи, при котором происходит слияние, совпадение двух или более значений в одной звуковой форме на парадигматической и синтагматической оси».

Синкретизм служит естественным регулятором отношений плана содержания и плана выражения, когда между ними наблюдаются сдвиги динамического характера, причем следует отметить тот факт, что в силу своей универсальности понятие языкового синкретизма применимо ко всем уровням языка.

Таким образом, совмещая в одной кумулятивной единице одновременно несколько фонетических, лексических или грамматических характеристик, синкретизм представляет собой удивительную форму синтеза, логической основой которой, несомненно, является экономия языковых средств, а основным значением данного термина является слитность, нерасчлененность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Инфантова Г. Г.* Некоторые явления переходности в синтаксической организации устного текста // *Переходность и синкретизм в языке и речи*: Сб. науч. тр. М., 1991. С. 237–246.

² *Бабайцева В. В.* Явления переходности в грамматике русского языка: Монография. М., 2000. 640 с.

³ Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. Ч. 2: Морфология. Синтаксис / Под ред. Е. И. Дибровой. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006. С. 18.

⁴ *Кузнецов П. С.* Значение грамматики для сравнительно-исторического языкознания // *Вопросы грамматического строя*: Сб. науч. тр. М., 1970. С. 141.

⁵ *Арутюнова Н. Д.* Специфика языкового знака // *Общее языкознание. Формы существования. Функции. История языка*. М., 1970. С. 173.

⁶ *Мишуров Э. Н.* Проблема экономии в языке и ее связь с феноменом «переходности» // *Языковые уровни и их анализ (на материале языков разных систем)*: Сб. науч. тр. Казань., 2000. С. 9–21.

⁷ *Степанов Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975. С. 274.

⁸ *Журавлев В. К.* Диахроническая морфология. М., 2004. С. 58.

⁹ *Кацнельсон С. Д.* Эргативная конструкция и эргативное предложение // *Известия Академии наук СССР, отделение литературы и языка*. 1947. № 1. С. 43–49.

¹⁰ *Мартине А.* Нейтрализация и синкретизм // *Филологические науки*. 1969. № 2. С. 96–109.

¹¹ *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 164–168.

¹² *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958. С. 205.

¹³ *Jespersen O.* The Philosophy of Grammar. London., 1924. P. 179.

¹⁴ *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985. 454 с.

¹⁵ *Бархударов Л. С.* Очерки по морфологии современного английского языка. М., 1975. С. 85–86.

¹⁶ *Щерба Л. В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. 1. С. 35.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

---

¹⁷ *Воронцова Г. Н.* Очерки по грамматике английского языка. М., 1960. 397 с.

¹⁸ *Серебренников Б. А.* Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 115.

¹⁹ *Кодухов В. И.* Семантическая переходность как лингвистическое понятие // Семантика переходности: Сб. науч. тр. Л., 1977. С. 5–16.

²⁰ *Сусов И. П.* История языкознания: Учеб. пособие для студентов старших курсов и аспирантов. Тверь., 1999. С. 305.

²¹ *Высоцкая И. В.* Синкретизм в системе частей речи современного русского языка: Дис. на соис. учен. степени д-ра филол. наук. М., 2006. С. 85.

²² *Блумфилд Л.* Язык. М., 1968. 607 с.

²³ *Лайонз Д.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978. С. 315–316.

²⁴ *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 406.

²⁵ Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1976. Т. 23. С. 421.

²⁶ *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 742.

²⁷ Языкознание // Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 446.

²⁸ *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереот. М., 2004. С. 406.

²⁹ *Бузаров В. В.* Синкретизм как разноуровневое средство реализации языковой экономии // Лингвистические категории в синхронии и диахронии: Сб. науч. тр. Пятигорск, 1996. С. 19–42.